

СОЗНИДЕЖЬ ЦЕРКОВЬ МОЮ
И ВРАТА АДА
НЕ ОДОЛЖЮТЬСЯ

ХР. СВ. ДУХА.

ХР. СВ. ТРОИЦЫ.

ВѢСТНИКЪ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СЪ ДУХОВСКАГО БРАТСТВА

1 Ноября 1911 г.
№ 21 (II)

Двухнедѣльный журналъ рел.-нрав. и церк.-общ. жизни Сѣв.-Зап. краѣ
Цѣна на годъ 3 руб. съ перес., за 1/2 года 2 руб.; за мѣсяць 40 коп. Вмѣстѣ
съ «Литов. Епарх. Вѣд.» 5 рублей. Подписка принимается въ Вильнѣ при
„Литов. дух. семинаріи“.
Св.-Синодомъ журналъ разрѣшенъ къ выпискѣ во всея церк.-прих. школы краѣ.
Адресъ: Вильна «Вѣстникъ Братства» Литовская Дух. Семинарія.

1911 г.
Изд. 5 годъ

Содержаніе № 21:

1. По поводу ревизіи дѣлопроизводства р.-католическихъ консисторій и епископскихъ канцелярій	394—396.
2. Идея единенія церквей и дѣятели единенія (Окончаніе)	396—399.
3. 50 лѣтній юбилей Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.	399—402.
4. О церковныхъ лѣтописяхъ. Православный	402—403.
5. Философскій взглядъ на религіозные обряды	403—405.
6. Священникъ и его жена, какъ приходскіе дѣятели	405—406.
7. По краю. Хроника церковно-общественной жизни	407—408.
8. Изъ жизни Братствъ	408.
- При семъ № прилагается: а) Поученіе въ день Собора св. архистратига Михаила; б) Литовскія Епарх. Вѣдомости 1911 г. № 21; в) Листокъ для народа № 21—2 экз.

Вильна, 1-го Ноября.

По поводу ре-
визіи дѣло-
производства
р.-католиче-
скихъ конси-
сторій и епи-
скопскихъ
канцелярій.

Въ № 19—мъ «Вѣстн. Вил. Св.-Дух. Братства» нами помѣщены опубликованные недавно Освѣдомительнымъ бюро результаты обследованія дѣятельности нѣкоторыхъ римско-католическихъ духовныхъ лицъ, духовныхъ консисторій и епископскихъ канцелярій. Обслѣдованіе было произведено по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Департаментомъ духовныхъ дѣлъ.

Ревизія эта не была неожиданною, и понятно поэтому, что канцеляріи и консистории могли къ ней достаточно „подготовиться“, однако все таки результаты ея превзошли ожиданія. Обнаружены и непосредственныя сношенія съ Римомъ, и іезуитскія организаціи, и устройство тайныхъ школъ и монастырей подъ видомъ мастерскихъ, и стремленіе клира подчинить своему руководству политическія организаціи, и систематическое давленіе на мірянъ духовнымъ оружіемъ для достиженія политическихъ цѣлей, и насильственная замѣна природнаго русскаго языка польскимъ, и т. д., и т. д., т. е. все то, на что всегда указывали мѣстные русскіе православные люди, знакомые съ положеніемъ дѣла, и мѣстные, а также отчасти и столичные правые, газеты и журналы и отъ чего усиленно открещивалось, какъ отъ напраслины, р.-католическое духовенство.

Опубликованіе результатовъ ревизіи всполошило, понятно, и р.-католическое духовенство, и польскую печать. Первое время польская печать даже не знала, что сказать въ отвѣтъ на это опубликованіе и только негодовала на „нарушеніе неприкосновенности епископскихъ канцелярій“ (Краковскій «Zas»), выражала удивленіе: «откуда взялся слѣдственный матерьялъ? Кто собиралъ его?» («Dwutygodnik Diecezjalny»),—другими словами; какъ это не все во время успѣли припрятать?

Однако, когда первое впечатлѣніе прошло, начали появляться и «опроверженія», изъ которыхъ для насъ наибольшій инте-

ресъ, конечно, имѣетъ опубликованная недавно бесѣда сотрудника „Kurjer'a Wilensk'ago съ управляющимъ виленскою р.-католическою епархіею ксендзомъ Михалькевичемъ.

Хотя въ своей бесѣдѣ управляющій епархіей и заявилъ сначала, что форма оглашенія результатовъ ревизіи такъ неопредѣленна, что трудно дать на обвиненія конкретный отвѣтъ, однако все-таки даетъ краткій отвѣтъ на всѣ пункты обвиненія.

Отвѣты эти по большей части представляютъ собою лишь голословное отрицаніе обвинительныхъ пунктовъ: „это неправда, это нужно доказать конкретными фактами“, какъ будто опубликованные результаты не являются именно выводомъ, изъ тѣхъ документовъ и тѣхъ конкретныхъ фактовъ, которые добыты ревизіей.

Но на нѣкоторые пункты дѣлаются управляющимъ епархіей возраженія или объясненія. Объясненія эти однако составлены такъ уклончиво и въ такомъ духѣ, что для знакомаго съ положеніемъ дѣла сразу видно, какихъ выраженій онъ избѣгаетъ, чтобы не выдать истинныхъ своихъ мыслей. Такъ, на нѣкоторые пункты онъ отвѣчаетъ, что въ *Виленской епархіи* этого не было, или что онъ никогда не допускалъ ничего подобнаго. Но вѣдь ревизія касается не одной лишь виленской епархіи и обнимаетъ время управленія этою епархіею не одного лишь ксендза Михалькевича, а и барона Роппа, дѣятельность котораго у всѣхъ еще въ памяти.

На обвиненіе въ неисполненіи министерскихъ распоряженій онъ отвѣчаетъ, что они исполнялись „поскольку они не противорѣчили церковному праву“.

Эта ссылка на противорѣчіе церковному праву очень удобна для р.-католическаго духовенства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не желаетъ подчиняться министерскимъ распоряженіямъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? т. е. дѣйствительно ли распоряженія министерства противорѣчатъ церковнымъ р.-католическимъ правиламъ и потому не исполняются? Неужели, на примѣръ: циркуляръ департамента духовныхъ дѣлъ отъ 18-го августа 1905 г., разъясняющій примѣненіе указа 17-го апрѣля, задерживался чуть ли не на два года, потому что этого требо-

вало церковное право, неужели по требованію того же права ксендзами почти повсемѣстно игнорировался установленный мѣсячный срокъ послѣ подачи заявленія о желаніи перейти въ католичество, неужели, наконецъ то же право требовало отъ нѣкоторыхъ ксендзовъ при совращеніи въ католичество прибѣгать къ такимъ приемамъ, какъ обманъ и даже подлогъ, такъ какъ были случаи, когда за нѣкоторыхъ совращаемыхъ ксендзы сами подавали прошенія, даже безъ ихъ вѣдома (к. Д—ъ)?

На обвиненіе въ организаціи тайныхъ школъ онъ отвѣчаетъ тѣмъ, что, съ нѣкоторыхъ поръ преподаваніе катехизиса стали считать „тайною школою“. Съ какихъ же это поръ? Не съ того ли времени, когда р.-католическое духовенство стало открывать тайныя школы именно подъ предлогомъ обученія катехизису, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлю колонизаціи мѣстнаго бѣлорусскаго населенія.

Обвиненіе въ принужденіи русскихъ р.-католическаго исповѣданія къ употребленію польскаго языка ксендзъ Михалькевичъ опровергаетъ тѣмъ, что „самъ народъ не хотѣлъ слышать русскаго языка въ католическомъ костелѣ и энергично выступалъ противъ него“. Спрашивается какой же это народъ не хотѣлъ слышать русскаго языка,—русскій или польскій? Вотъ теперь отовсюду идутъ извѣстія о столкновеніяхъ, подчасъ даже кровавыхъ, между поляками и литовцами по поводу употребленія въ костелѣ литовскаго языка. И тамъ противъ литовскаго языка очевидно выступаетъ «самъ народъ». Ксендзъ Михалькевичъ понятно не скажетъ въ поясненіе, что этотъ „самъ народъ“—поляки, нафанатизированные поляками же ксендзами.

Нѣтъ надобности приводить все, что говорится управляющимъ епархіей въ опроверженіе пунктовъ обвиненія, выдвинутыхъ противъ р.-католическаго управленія. Все, о чемъ говорится въ этихъ пунктахъ давно извѣстно мѣстному русскому населенію и давно подтвердилось такимъ количествомъ фактовъ, что никакое голословное отрицаніе ихъ или объясненіе, подобное вышеприведеннымъ не разубѣдитъ, лицъ, знакомыхъ съ

положеніемъ вѣроисповѣднаго вопроса въ Западномъ краѣ.

Гораздо важнѣе то возраженіе, которое приводится только вскользь въ отвѣтахъ ксендза Михалькевича, и которое выставляютъ нѣкот. польскія газеты, именно, что преступленія, перечисленные въ обвинительныхъ пунктахъ, не могутъ имѣть общаго значенія, а лишь частное и случайное, что только «лаконическая форма, въ которую облечены эти обвиненія въ сообщеніи, придаетъ имъ характеръ сенсаціи (Słowo, № 272) и что «дѣятельность единичныхъ личностей изъ духовенства можетъ вмѣняться въ вину только этимъ личностямъ» (к. Михалькевичъ).

Итакъ, даже сами поляки признаютъ, что, хотя и «частичныя и случайныя» проявленія польско-католическаго фанатизма все-таки были, были и «единичныя» личности изъ римско-католическаго духовенства, отличавшіяся противогосударственною дѣятельностію. Важно и это признаніе. Пунктовъ обвиненія такъ много, что, если на каждый изъ нихъ положить хотя по два, по три «единичныхъ случая, и то картина противогосударственной работы римско-католическаго духовенства получилась бы довольно общаго характера. Такихъ же случаевъ было на самомъ дѣлѣ гораздо больше, даже зарегистрированныхъ и отмѣченныхъ печатью. Но доказательство систематичности такого рода дѣятельности лежитъ даже и не въ количествѣ случаевъ. Наблюденіе надъ жизнью римско-католической Церкви въ Западномъ краѣ показываетъ намъ, что скорѣе единичными являются лица и случаи, показывающіе отсутствіе этой противогосударственной работы въ томъ или другомъ мѣстѣ. Если бы преступныя явленія и лица, указываемыя въ обвинительныхъ пунктахъ, дѣйствительно были единичными, а остальное духовенство и въ томъ числѣ правящія лица были, наоборотъ, строгими исполнителями закона, то римско-католическая администрація боролась бы съ такими лицами и явленіями. Но не видимъ ли мы здѣсь совершенно обратнаго. Въ мірѣ римско-католическаго духовенства опальными и отверженными являются не нарушители законныхъ постановленій, а имен-

но исполнители ихъ и вообще тѣ, кто не проявляетъ въ достаточной мѣрѣ ревности къ совращенію православныхъ или къ проведенію польскихъ тенденцій, вообще проявляетъ меньше польско-католическаго фанатизма.

Это общее явленіе краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ, что администрація римско-католическихъ епархій не только не является особенно яркимъ врагомъ подобныхъ выступленій, но что, напротивъ, всѣ эти выступления—проявленіе общей системы, центръ которой находится даже за предѣлами нашего отечества.

Такая планомерная работа, направленная не только противъ православія, но и противъ русской народности не можетъ, понятно остаться безъ противодѣйствія съ нашей стороны. То обстоятельство, что всѣ эти противозаконныя явленія официально установлены и отмѣчены ревизіей, подаётъ надежды, что государственная власть приметъ всѣ необходимыя мѣры къ устраненію подобныхъ явленій, а главное къ разрушенію самой системы. Однако одной лишь правительственной защиты мало и одновременно съ нею необходимо должны дѣйствовать общественныя силы. На первомъ планѣ въ этой борьбѣ, понятно, должны стоять братства, всегда являющіяся главными охранителями и борцами за православіе, но иногда и дѣятельность братствъ бываетъ недостаточна. Планомерной систематической работѣ должна быть противопоставлена такая же систематическая и планомерная.

Между тѣмъ охранительная дѣятельность братствъ при своемъ разнообразіи все-таки большею частію носитъ нѣсколько случайный и разбросанный характеръ, чувствуется недостатокъ въ такомъ учрежденіи и лицъ въ которыхъ бы сосредоточивалось специально миссіонерское дѣло. Въ нашемъ Братствѣ, недавнее учрежденіе при немъ миссіонерскаго комитета и согласіе стать во главѣ его Преосвященнаго Елевоерія, епископа Ковенскаго, значительно улучшаетъ положеніе дѣла, но все-таки если бы при этомъ комитетѣ еще сгояло лицо, на обязанности котораго было бы исключительно лишь дѣло противокатолической миссіи, которое бы обязано было всегда, какъ бы стоять на стражѣ ох-

рапы православія отъ иновѣрныхъ нападений то успѣхъ защиты его былъ бы обезпеченъ надежнѣе. Поэтому, привѣтствуя начало дѣятельности миссіонерскаго комитета, нельзя не выразить пожеланія о томъ, чтобы это дѣло доведено было-бы до конца, и чтобы вопросъ о назначеніи для нашей епархіи specialнаго противокатолическаго миссіонера разрѣшился-бы въ положительномъ смыслѣ

Идея единенія Церквей и дѣятели единенія.

(Окончаніе).

Не меньше значенія въ дѣлѣ сближенія Церквей, чѣмъ общенію въ богослуженіи, Общество придаетъ и взаимной братской помощи: «именно, — говорится въ отчетѣ Общества, — въ спокойномъ возрастаніи неформальныхъ и неофициальныхъ дѣйствій, на поприщѣ взаимной церковной помощи, и заключается надежда на установленіе будущаго церковнаго общенія».

Эта взаимная братская помощь уже неоднократно, какъ мы видѣли, выражалась, и въ тѣхъ случаяхъ общенія въ богослуженіи, которые приводились выше, такъ какъ самое это общеніе часто было слѣдствіемъ желанія оказать такую помощь. Такъ, неоднократно англикане уступали свои храмы для богослуженія православнымъ, и, наоборотъ, православные англиканамъ; англиканскіе священники преподавали таинства православнымъ, когда тѣ лишены были ихъ за неимѣніемъ своихъ священниковъ и т. п.

Но кромѣ этихъ случаевъ отчетъ приводитъ нѣсколько и другихъ, не менѣе характерно рисующихъ тѣ дружественныя отношенія между англиканскою и православною Церквами, какія возникаютъ по мѣстамъ подъ вліяніемъ дѣятельности «Общества ревнителѣй» и другихъ подобныхъ ему обществъ.

Такъ, въ нѣкоторыхъ городахъ епархіи Альбанійской въ Соединенныхъ Штатахъ издержки греческихъ священниковъ покрываются отчасти мѣстными англиканскими приходами для облегченія этимъ священникамъ оказанія духовной помощи своимъ пасомымъ. Были случаи и обратнаго характера: въ Салисбери, въ Африкѣ, мѣстная греческая православная община пожертвовала пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ на построеніе новаго англиканскаго храма, какъ знакъ ея признательности англиканскому духовенству за

его сочувствіе, выразившееся въ неоднократномъ предоставленіи православнымъ пользованія англиканскимъ храмомъ, а равно и за добрыя услуги, оказываемыя англиканами членамъ греческой общины. Другой подобный примѣръ мы видѣли выше: какъ православный Аляскій епископъ Иннокентій привелъ въ порядокъ заброшенный англиканскій храмъ.

И во всѣхъ подобныхъ взаимныхъ услугахъ чѣтъ ни малѣйшаго стремленія ни съ той ни съ другой стороны похитить члена изъ чужой Церкви и вовлечь его въ свою. Напротивъ, какъ стараній отдѣльныхъ членовъ, такъ и образъ дѣйствій всего общества направлены всецѣло къ тому, чтобы всѣми способами поддерживать вѣрность каждого члена своей Церкви. Основная идея, руководящая практическою дѣятельностью англиканскихъ членовъ Общества та, что англиканская и православная Церкви—лишь части одной вселенской Церкви и что христіанскій долъ каждого—стремиться къ осуществленію единенія со всякою частью католической Церкви, причемъ „чѣмъ разнообразнѣе въ отдѣльныхъ ея частяхъ внѣшнія проявленія Духа Святого въ Церкви, тѣмъ необходимѣе имъ поддерживать съ ними соприкосновеніе для восполненія того, чего имъ недостаетъ у себя“.

Это убѣжденіе они всецѣло оправдываютъ и на дѣлѣ, стараясь поддерживать сосѣднія православныя Церкви и тогда, когда возникшія въ нихъ недоразумѣнія и непорядки обѣщали бы имъ самимъ выгоду въ смыслѣ увеличенія членовъ ихъ собственной англиканской Церкви. Такъ англиканскій епископъ Блайтъ при возникшихъ церковныхъ распряхъ въ православныхъ церквяхъ Виолемеа и Антиохіи, не только не воспользовался этими непорядками для своей Церкви, но, напротивъ, много способствовалъ тому, что обратившіеся къ нему недовольные своею духовною властью православныя сирійцы не отпали отъ православной Церкви, а, наоборотъ, при его помощи примирились со своею іерархіею. Равно и при недавней попыткѣ Іерусалимскаго Синода смѣстить патріарха Даміана, „Общество наше,—говорится въ отчетѣ,—съ особымъ стараніемъ избѣгало проявлять какое либо одностороннее сочувствіе и молилось о томъ, чтобы Господь направилъ обѣ стороны къ примиренію на благо Церкви“.

Такой характеръ дѣятельности Общества, какъ мы видимъ, совершенно противоположенъ характеру дѣятельности Церкви римско-католической, которая наоборотъ стремится всегда воспользоваться тяжелымъ положеніемъ сосѣдней Церкви (если даже не создать это положеніе) съ цѣлю покоренія Риму новыхъ чадъ. Поэтому Общество и не ищетъ общенія съ римскою Церковью, тѣмъ болѣе, что оно не видитъ въ ней и первоначальной чистоты христіанскаго ученія. Съ перваго взгляда это отношеніе къ римско-

католич. Церкви можетъ показаться противорѣчащимъ основной идеѣ Общества „единеніе всѣхъ“. Но на это Общество отвѣчаетъ, что оно и не имѣетъ въ виду совершенно исключать латинскую Церковь изъ будущаго соединенія Церквей, если Господу угодно будетъ когда либо благословить совершиться такому событію, но *теперь*, въ настоящее время, въ силу особаго духа и направленія римской Церкви, ея участіе въ дѣлѣ *братскаго сближенія* Церквей не можетъ быть полезно. «Мы не упускаемъ изъ виду,—говорится въ отчетѣ Комитета по вопросу о соединеніи Церквей, организованнаго на Ламбетской конференціи,—что не можетъ быть исполненія божественныхъ предначертаній въ такомъ воссоединеніи, которое *въ концѣ концовъ* не включало бы въ себя великой Латинской западной Церкви; наша исторія была такъ тѣсно сопряжена съ нею въ прошломъ, и до сихъ поръ мы связаны съ нею столькими узами общей вѣры и общаго преданія. Но мы ясно отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что всякое движеніе впередъ въ этомъ направленіи въ настоящее время преграждено трудностями, которыя не мы создали и которыя мы не въ состояніи устранить“.

Охарактеризовавъ въ такихъ чертахъ дѣятельность Общества, естественно теперь спросить, какое же практическое значеніе можетъ имѣть его дѣятельность и тѣ результаты какіе достигнуты этою дѣятельностью. Многимъ эта дѣятельность можетъ показаться малозначущею, такъ какъ результаты ея не простираются, повидимому, далѣе громкихъ словъ, благихъ пожеланій и кое-какихъ взаимныхъ услугъ. Но вѣдь, скажутъ нѣкоторые, отъ этихъ добрыхъ пожеланій и добрыхъ услугъ до соединенія Церквей еще слишкомъ далеко. Много сказано добрыхъ словъ, много выражено пожеланій, а дѣло то какъ будто стоитъ на томъ же мѣстѣ и не движется къ желанному концу, да и двинется-ли когда либо?

На это нужно отвѣтить то, что, хотя, понятно, идеаль всякой дѣятельности, направленной къ сближенію, полное единеніе, но *въ настоящее время* Общество еще не имѣетъ въ виду этого соединенія Церквей, какъ дѣла еще далекаго будущаго, а только *сближеніе и общеніе* Церквей какъ подготовку къ этому соединенію. «Общество, говорится въ отчетѣ,—не имѣетъ задачей предпринять какое либо формальное соборное постановленіе о воссоединеніи, каковое рѣшеніе должно быть въ концѣ поставлено епископами каждой изъ Церквей..., но оно стремится приготовить и расчистить пути къ такому счастливому исходу тѣми средствами, которыя указаны въ его уставѣ и воззваніи». И въ смыслѣ такой подготовки дѣятельность Общества имѣетъ большое значеніе.

Нужно помнить, что и раздѣленіе Церквей послѣдовалъ не вдругъ, а подготовлялось вѣками,

и потребовалось много времени, пока совершился тотъ незримый процессъ, который подготовилъ это раздѣленіе, пока двѣ главныхъ господствующихъ народности, одинаковыя по вѣрѣ, но различныя по характеру, постепенно выработали два различныхъ христіанскихъ міровоззрѣнія, два различныхъ уклада церковной жизни, вслѣдствіе которыхъ они стали хуже понимать другъ друга и жизнь въ прежнемъ общеніи для нихъ стала невозможной. Если же для *раздѣленія* Церквей потребовался такой долгій подготовительный процессъ, то тѣмъ болѣе для ихъ соединенія, ибо созидательная работа всегда и труднѣе и медленнѣе разрушительной.

Нужно отмѣтить и то, что формальному и окончательному *раздѣленію* предшествовалъ долгій періодъ, когда Церкви еще числились не раздѣлившимися, но когда давно уже между ними не было почти никакого *общенія*: двѣ половины единой Церкви жили уже разною жизнью, не сходясь ни въ догматическомъ, ни въ обрядовомъ отношеніи. Нельзя поэтому не предположить, что и обратный процессъ — соединеніе совершится (если Богу угодно будетъ, чтобы онъ совершился когда либо) въ подобномъ же порядкѣ, т. е., что опять формальному соединенію должно предшествовать общеніе или „единеніе“ Церквей. Вотъ это то и составляетъ ближайшую задачу Общества, а въ этомъ отношеніи оно уже достигло большихъ успѣховъ.

Успѣхи эти, главнымъ образомъ, заключаются во взаимномъ ознакомленіи. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ между Церквями часто имѣетъ большое значеніе предубѣжденіе. Трудно отрѣшиться отъ какого либо предвзятаго взгляда или отъ общепринятаго мнѣнія. Когда въ сороковыхъ годахъ англиканскій діаконъ Пальмеръ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ тогдашнихъ приверженцевъ единенія съ греко-восточной Церковью, переписывался по этому поводу съ извѣстнымъ русскимъ славянофиломъ А. С. Хомяковымъ, желая самъ вступить въ православную Церковь, то Хомяковъ сразу отмѣтилъ то общеевропейское предубѣжденіе относительно Россіи и греко-восточной Церкви, которое чувствовалось въ его письмахъ. Пальмеръ, хотя и ближе зналъ Россію, чѣмъ другіе англикане, хотя и тяготѣлъ душою къ православію, все-таки смотрѣлъ на Россію и на православіе нѣсколько свысока, скорѣе требуя русскую Церковь соединить съ нимъ, чѣмъ самому быть ею принятымъ. Хомяковъ тогда же предсказывалъ ему, что онъ въ концѣ-концовъ уйдетъ въ римскую Церковь, къ которой будетъ менѣе требователенъ, чѣмъ къ Церкви греко-восточной, и это вполне потомъ оправдалось на Пальмерѣ. Этотъ случай является чрезвычайно характернымъ въ опредѣленіи того предубѣжденнаго взгляда, какой существовалъ на Западѣ на православную греко-восточную Церковь.

Но вотъ, изъ приведенныхъ выше примѣровъ, мы видимъ, какъ обстоятельства измѣняются, какъ подъ влияніемъ дѣятельности лицъ и обществъ, подобныхъ „Обществу ревнителей единенія“, дѣятельности, дающей возможность англиканамъ ближе и лучше ознакомиться съ ученіемъ и жизнью православной Церкви, мало-по-малу уничтожается это предубѣжденіе, и англиканская Церковь начинаетъ даже искать въ восточной Церкви опору своего ученія и въ ея авторитетѣ свидѣтельства «незапятнаннаго православія католическихъ исповѣдниковъ въ лонѣ англиканской Церкви». Англиканская Церковь начинаетъ даже цѣнить греческое богословское образованіе и посылаетъ своего студента въ богословскую школу на островъ Халки.

Съ другой стороны, это взаимное ознакомленіе имѣетъ значеніе и для православной Церкви, такъ какъ и среди православныхъ, въ частности русскихъ, взгляды на нѣкоторые пункты ученія англиканской Церкви носятъ нѣсколько предвзятый характеръ, а тѣмъ болѣе мало видно знакомства съ духомъ ея внутренней жизни. Англикане, посѣщающіе Россію (напр. Клинтонъ, посѣтившій полоцкія торжества), часто отмѣчаютъ это слабое знаніе русскими ученія и жизни английской Церкви и считаютъ его главнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ развитія идей Общества, несмотря на почти всеобщее сочувствіе самой идеѣ. Мы болѣею частію смотримъ на англиканскую Церковь какъ на одну изъ протестантскихъ Церквей и мало обращаемъ вниманія на характеръ самаго протеста, который теперь выдѣляетъ ее изъ союза съ римско-католической Церковью — стремленіе къ возстановленію чистаго ученія семи вселенскихъ соборовъ.

Однако болѣе близкое знакомство съ англиканской Церковью помогаетъ намъ выяснять многіе вопросы касательно ея ученія и жизни и можетъ быть даже измѣнить нашъ взглядъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Въ тѣхъ сношеніяхъ, какія имѣли представители англиканской Церкви съ православными съ особенною силою, на примѣръ, возникъ вопросъ о каноническомъ достоинствѣ англиканской іерархіи. Это заставило и самихъ англиканъ обратить большее вниманіе на этотъ вопросъ и многіе изъ членовъ англиканской Церкви прилагаютъ стараніе къ оправданію каноническаго достоинства англиканскаго священства предъ православными путемъ лучшаго ознакомленія православныхъ съ этимъ вопросомъ, а отчасти и путемъ сближенія съ самимъ англиканскимъ духовенствомъ. „Мы смѣемъ надѣяться, — говоритъ въ отчетѣ Общества, — что современное пользование православными въ исключительныхъ случаяхъ духовною помощью нашего священства приведетъ къ болѣе точному со стороны православныхъ Церквей ознакомленію съ дѣломъ и что, такимъ образомъ, положенъ будетъ предѣлъ послѣднимъ, остающимся у нихъ

сомнѣніямъ относительно дѣйствительности и законности нашего священства»

Такое болѣе близкое знакомство по всеѣмъ вопросамъ вѣры и жизни во всякомъ случаѣ не можетъ быть бесполезнымъ и не можетъ не имѣть значенія въ дѣлѣ единенія.

Нельзя, конечно, предрѣшать того, приведетъ ли дѣятельность Общества къ желанному результату, достигнетъ ли оно когда либо своей цѣли, но нельзя не сочувствовать его идеямъ и хоть отчасти не раздѣлять его надеждъ, что «при Божьемъ благословеніи дѣло единенія будетъ расти и что двѣ каѳолическія отрасли, англиканская и восточная, увидятъ, что у нихъ нѣтъ основанія жить въ разъединеніи, которое создано было не ими, а третью частью вселенской Церкви,—римскою, девятисотъ лѣтъ тому назадъ». Въ виду же такой надежды нельзя не отнести съ благодарностію къ тѣмъ лицамъ, которыя трудятся на этомъ поприщѣ, воодушевляемые этою идеею. Высота цѣли Общества и именно то воодушевленіе, которое создается этою цѣлію и даетъ, главнымъ образомъ, надежду на то, что дѣятельность ихъ не останется тщетною. «Не можетъ быть никакого сомнѣнія,—говорится въ воззваніи Общества,—что священное одушевленіе апостоловъ и святыхъ отцовъ сдѣлаетъ насъ способными при помощи Божіей устранить все препятствія на пути къ воссоединенію. Враги православнаго и чистаго ученія Церкви Божіей умножаются съ каждымъ днемъ и только объединенныя Церкви могутъ защищать свое наслѣдіе: чистое ученіе святыхъ вселенскихъ соборовъ. Будемъ же мужественны, и отъ всей нашей души и со всею крѣпостію поработаемъ для дѣла единенія нашихъ святыхъ Церквей, ибо тѣ, кто такъ трудится, трудятся на процвѣтаніе своей собственной Церкви, на утвержденіе христіанства, во исполненіе воли Христовой и во славу Божію».

50-лѣтній юбилей Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

(Продолженіе.)

Послѣ чая, все гости отправились въ залъ. Залъ былъ ученицами прекрасно убранъ зеленью, цвѣтами и флагами; особенно изящно убраны были портреты Царской Семьи, Августѣйшихъ Покровительницъ училища и основателя училища митрополита Иосифа. Въ залѣ состоялся актъ:

1) Воспитанницы училища прочли стихиру „Днесъ благодать“.

Законоучитель училища, священникъ П. Дружининъ прочиталъ слѣдующій „Краткій историческій очеркъ дѣятельности и состоянія Виленскаго женскаго училища Духовнаго вѣдомства за 50 лѣтъ его существованія (съ 1861—1911 г.)“.

8 сентября 1861 года совершилось въ Вильнѣ скромное, но при своей скромности — важное по внутреннему своему содержанию торжество: состоялось открытіе училища для дѣвицъ духовнаго званія. Чтобы понять значеніе этого событія, надо перенестись мысленнымъ взоромъ къ тому времени. Это было время обширныхъ преобразованій въ Россіи (освобожденіе крестьянъ и т. д.), которыя, какъ и естественно было ожидать, нарушили значительно привычный укладъ русской жизни, слѣдствіемъ чего были смуты, закончившіяся ужаснымъ преступленіемъ 1 марта 1881 г. Понятно, что смуту злонамѣренные люди постарались прежде всего посѣять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для нея была наиболѣе подготовленная почва и—въ частности—въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ. И дѣйствительно, въ 1863 году, черезъ два года послѣ основанія нашего училища, произошло польское возстаніе, которое имѣло цѣлью истребить русское дѣло, но, по милости Божіей, достигло противоположнаго слѣдствія—укрѣпленія и усиленія русскаго вліянія въ нашемъ краѣ.

Въ такое то тревожное время заботливой рукой приснопамятнаго Митрополита Литовскаго Иосифа былъ возженъ въ Вильнѣ новый свѣтильникъ православія и просвѣщенія—училище для дѣвицъ духовнаго званія. Еще задолго до этого (въ 1845 году) Владыка перенесъ изъ Жировицъ въ Вильну, какъ средоточіе общественной и умственной жизни края, духовную семинарію и, такимъ образомъ, обезпечилъ на прочныхъ началахъ образованіе сыновей духовенства. Послѣ того завѣтной мыслию въ Бозѣ почивающаго Архипастыря было сдѣлать тоже для дочерей священнослужителей. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ ясно представлялъ, какія благія послѣдствія для утвержденія семействъ духовенства въ православіи и любви къ Царю и Отечеству должны были про-

изойти отъ правильнаго образованія и воспитанія дочерей его, но недостатокъ средствъ и подходящаго зданія долго не давали осуществиться мечтамъ Архипастыря; наконецъ, старанія его устранили эти препятствія, и въ январѣ мѣсяцѣ 1861 г. Высочайше соизволено было утвердить представленіе Литовскаго Архипастыря объ учрежденіи училища для двѣицъ духовнаго званія въ зданіяхъ бывшаго Кармелитскаго монастыря *) на мѣстѣ уѣзднаго духовнаго училища, которое было переведено въ нынѣшнее помѣщеніе — въ зданія бывшей Римско-католической академіи и по—августинскія.

Чтобы понять возможность учрежденія новаго женскаго училища, слѣдуетъ отмѣтить, что тогда во всей Литовской епархіи было только четыре женскихъ учебныхъ русскихъ заведенія: Вѣлостокскій институтъ для двѣицъ дворянскаго происхожденія и три женскихъ гимназій, только что (съ 1860 года) начавшихъ свое существованіе, тогда какъ уже давно во всѣхъ почти городахъ и даже во многихъ мѣстечкахъ было множество польскихъ частныхъ пансіоновъ: въ одной Вильнѣ такихъ пансіоновъ было семь.

По Высочайшей волѣ училище было устроено на 60 штатныхъ воспитанницъ и 30 пансіонерокъ (своекоштныхъ) по образцу и уставу учрежденнаго еще въ 1843 году Царскосельскаго и было принято подъ Высочайшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны. Училище должно съ благодарностью вспомнить Великую Княжну [впослѣдствіи Королеву Виртембергскую] Ольгу Николаевну, Августѣйшую сестру Государя Императора Александра II Николаевича, дѣятельная любовь которой положила и поддерживала существованіе перваго изъ училищъ для дочерей священнослужителей: въ этомъ училищѣ она была главной попечительницей и по ея стараніямъ оно равно какъ и другія подобныя — были приняты подъ Высочайшее покровительство Государыни Императрицы.

23 іюля 1861 года открыто было Правленіе училища въ составѣ Начальницы—Маріи Семеновны Неумоиной, благочиннаго—каедральнаго протоіерея Виктора Гомолицкаго и смотрителя дома — Викентія Кипріановича Плавскаго.

Первымъ дѣломъ Правленія было озаботиться оновѣщеніемъ духовенства объ открытіи приѣма въ училище 40 воспитанницъ (20 казенно — 20 своекоштныхъ) и о приисканіи учителей (наставницы были на лицѣ.) Послѣднее дѣло было очень

*) Этотъ монастырь былъ выстроенъ въ 1621 году богатымъ Виленскимъ купцомъ Игнатіемъ Дубовичемъ, перешедшимъ изъ православія въ унию и впослѣдствіи бывшимъ униатскимъ архимандритомъ Базиліанскаго (нынѣ Св.-Троицкаго) монастыря.

Для приспособленія къ нуждамъ училища Кармелитскія зданія, конечно, были воплію преобразованы: келіи замѣнены залами, кирпичные полы—досчатыми, устроены въ коридорахъ печи.

трудное въ виду незначительности вознагражденія по штату (500 р. въ годъ включая сюда и жалованье законоучителю). Трудное дѣло это разрѣшилось благополучно благодаря отзывчивости нѣкоторыхъ преподавателей духовной семинаріи, которые взялись преподавать въ училищѣ, несмотря на скудость вознагражденія. Воспитанницъ принято было 28 и такимъ образомъ оказалось возможнымъ уже 8 сентября 1861 года открыть училище. Литургіи въ училищѣ нельзя было совершить, такъ какъ, къ сожалѣнію, церкви еще въ немъ не было, а потому открытіе его ограничилось торжественнымъ освященіемъ его приснопамятнымъ основателемъ Митрополитомъ Иосифомъ, который при этомъ—въ знакъ своей любви и заботливости о новомъ духовномъ питомникѣ—пожертвовалъ въ пользу его 4% билетъ въ 5000 р. съ тѣмъ, чтобы % съ этого капитала обращались всегда въ приданное двумъ лучшимъ по успѣхамъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ, преимущественно сиротамъ.

Какъ и въ другихъ подобныхъ училищахъ, курсъ ученія предназначался 6-ти лѣтній, но—за недостаткомъ помѣщенія—былъ подраздѣленъ на три отдѣленія: младшее, среднее и старшее, такъ что въ каждомъ отдѣленіи воспитанницы проводили по два года, вслѣдствіе чего приѣмъ новыхъ воспитанницъ и выпускъ предполагался черезъ два года. (Такой крайне неудобный порядокъ, къ сожалѣнію, продолжается въ нашемъ училищѣ и до сихъ поръ, хотя, надо надѣяться, что скоро у насъ будетъ 6-и и даже 7-и классное училище). На первый разъ было открыто только младшее отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы черезъ два года открыть второе, а еще черезъ два—и третье. Какъ уже было замѣчено, на первый разъ было принято 28 дѣвочекъ.

Курсъ ученія предполагался тотъ же, что и въ Царскосельскомъ училищѣ — сообразно дѣли училища: подготавливать достойныхъ супруговъ служителямъ алтаря Господня и попечительныхъ матерей, которыя воспитывали бы своихъ дѣтей въ правилахъ благочестія и добронравія.

Средства для содержанія училища въ количествѣ 7420 рублей образовались изъ суммъ, отпущенныхъ изъ Государственнаго Казначейства на содержаніе упраздненнаго Мядзюльскаго женскаго монастыря (2765 р.), изъ доходовъ по—Миссіонерскаго дома и мизы Бурбишки (1555 р.) и изъ части духовно-учебнаго капитала (3100 р.). Вся же остаточная сумма Мядзюльскаго монастыря, по—Миссіонерскаго дома и имѣнія Бурбишки (1815 р. 78 к.) была употреблена на устройство и первоначальное обзаведеніе училища и на образованіе вспомогательнаго капитала.

Изъ общей суммы 7420 р. почти половина (3000 р.) была предназначена на содержаніе (одеждою и пищею) 60-ти штатныхъ (казеннокоштныхъ) воспитанницъ, считая на каждую по 50-ти рублей, 1000 рублей—на содержаніе дома съ освѣщеніемъ

и отопленіемъ, а остальное—на жалованье должностнымъ лицамъ и другія потребности училища.

Духовенство не было устранено отъ участія въ жизни училища, такъ какъ, согласно уставу, епархіальнымъ Архіереемъ долженъ былъ назначаться благочинный училища изъ мѣстнаго духовенства, входившій въ составъ Правленія. Для улучшенія хозяйственной части положено было быть почетному блюстителю по хозяйственной части изъ дворянъ или купцовъ.

Такъ то начало свою жизнь молодое учрежденіе. Но эта жизнь не могла считаться полною, такъ какъ въ училищѣ, долженствовавшемъ стать разсадникомъ духовно-нравственнаго просвѣщенія, не было самаго главнаго—церкви, а посѣщали воспитанницы крестовую (архіерейскую) церковь, гдѣ впоследствии и пѣли. Конечно, это обстоятельство крайне озабочивало основателя и покровителя училища Митрополита Іосифа, но на закатѣ своихъ дней онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что на пожертвованія почетнаго блюстителя по хозяйственной части Виленскаго купца Аванасія Θεодоровича Мухина (600 р.) и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (всего 1586 р.) въ 1867 году была устроена въ училищѣ церковь во имя Покрова Божіей Матери. Удрученный болѣзью, маститый Владыка—Митрополитъ уже не могъ совершить освященія церкви: священнодѣйствіе (8 сентября) совершилъ второй викарій, епископъ Ковенскій Александръ (впоследствии—архіепископъ Литовскій).

Находясь подъ благодатнымъ Покровомъ Небесной Владычицы, училище постепенно расширяло свою дѣятельность, не ограничиваясь узкой задачей—подготовлять достойныхъ женъ священниковъ: сама жизнь призывала воспитанницъ къ новой общественной дѣятельности—учительской, черезъ которую онѣ проливали бы свѣтъ знанія въ темную крестьянскую среду. Сообразно этому, и училище стало съ Высочайшаго соизволенія постепенно расширять свои программы. Притомъ было прилагаемо стараніе и вообще развивать умственный кругозоръ учащихся. Съ этою двоякою цѣлью съ 1867 года введено было, по распоряженію Св. Синода, утвержденному Ея Величествомъ Государыней Императрицей, преподаваніе началъ педагогики, причемъ, по указанію Св. Синода, свѣдѣнія должны были преподаваться не въ видѣ строгой научной системы, а въ формѣ краткихъ совѣтовъ и наставленій; для пракческаго же усвоенія этихъ наставленій старшія воспитанницы должны были заниматься съ младшими подъ руководствомъ воспитательницъ и преподавателя педагогики. Съ 1890 года для упражненія въ преподаваніи воспитанницы старшаго класса стали посѣщать образцовую школу при семинаріи въ отсутствіе практикующихся учениковъ, гдѣ занимались преподаваніемъ подъ руководствомъ преподавателя педагогики Григорія Яковлевича Киприановича. Конечно, такое посѣщеніе чужого учебнаго заведенія было очень неудобно, но неудоб-

ство это было устранено открытіемъ въ 1897 году (28 января) образцовой школы при самомъ училищѣ. Въ этомъ важномъ дѣлѣ принимали дѣятельное участіе покойный Литовскій архипастырь Высокопреосвященный Іеронимъ, который самъ предугадалъ мѣсто для школы, начальница училища Марія Ивановна Макаревичъ и бывший преподаватель педагогики (онъ же и бывший смотритель дома) Г. Я. Киприановичъ. По послѣднему же уставу 1902 года педагогика замѣнена дидактикой.

Изъ другихъ предметовъ, не преподававшихся въ училищѣ, введена была, прежде всего, въ 1872 году физика для уравниванія программы нашего училища съ программами епархіальныхъ, чтобы, такимъ образомъ, возможно было преподавать оканчивающимъ курсъ училища права домашнихъ учительницъ. На основаніи устава 1902 года введено вновь преподаваніе естествовѣдѣнія (въ 3-мъ и 4-мъ классахъ), гигиены (въ 5-мъ и 6-мъ кл.), преподаваніе физики разложено на три класса (4, 5 и 6), вмѣсто прежнихъ двухъ (5 и 6), ариѳметика заканчивается въ 4-мъ классѣ (а не въ 6-мъ, какъ прежде). Геометріи, по прежнему, предоставлено по одному уроку въ 5 и 6-мъ классахъ. Находя такое число уроковъ крайне недостаточнымъ для хотя бы поверхностнаго прохожденія программы, Правленіе училища исходатайствовало въ 1910 году отъ Оберъ - Прокурора Св. Синода разрѣшеніе увеличить число уроковъ до 2-хъ въ каждомъ классѣ. Для повторенія же ариѳметики, заканчивающейся въ 4-мъ классѣ, и для лучшаго усвоенія геометріи, по ходатайству Правленія, была введена въ 5 и 6-мъ классахъ сверхъ программы алгебра сперва по одному уроку (въ 1907 году), а затѣмъ по два (съ 1910 г.)

Въ 1889 году введено было обученіе такой важной статьи въ женскомъ обиходѣ, какъ кройка платья.

Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, постепенно вводилось во внѣклассное время насчетъ дополнительной платы, взимаемой съ учащихся, преподаваніе, какъ необязательныхъ предметовъ, новыхъ языковъ и искусствъ въ слѣдующемъ порядкѣ: французскаго языка и музыки въ 1868 г. (на основаніи Высочайшаго разрѣшенія Ея Величества 20 ноября 1867 г.); нѣмецкаго языка въ 1872 году (на основаніи Высочайшаго соизволенія 17 декабря 1871 г.) и рисованія—въ 1882 году (хотя общія начала и преподавались раньше при прохожденіи руководствъ для рисованія узоровъ). Взносъ за право обученія этимъ предметамъ былъ назначенъ слѣдующій (каковымъ онъ остается и донинѣ): за музыку 30 р. въ годъ, за починку роялей—5 р. и за остальные предметы—по 5 р. Наконецъ въ 1910 г. курсъ рисованія былъ расширенъ геометрическимъ черченіемъ.

Такимъ образомъ, курсъ ученія въ училищѣ 50-ти лѣтъ постепенно расширялся, сравниваясь мало-по-малу съ курсомъ епархіальныхъ училищъ

и свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній (а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходя ихъ). Вслѣдствіе такого расширенія курса пришлось, къ сожалѣнію, отказаться отъ намѣченныхъ прежде занятій сельскимъ хозяйствомъ за недостаткомъ времени, тѣмъ болѣе, что на лѣтнее время, наиболѣе удобное для этихъ занятій, воспитанницы отпускались въ дома родителей. Съ другой стороны, необходимость проходить обширный курсъ въ сравнительно короткое время вынудила Правленіе училища ходатайствовать въ 1876 году о назначеніи простѣйшихъ экзаменовъ для вновь поступающихъ въ училище, и ходатайство это было Высочайше утверждено Ея Величествомъ, причѣмъ было указано, что списки выдержавшихъ экзамены должны посылаться на Высочайшее утвержденіе, но начинать занятія должно не дожидаясь этого утвержденія. Съ 1905 года требованія отъ поступающихъ были возвышены до знанія курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ на основаніи циркулярнаго отношенія Св. Синода отъ 31 іюля 1903 года, при которомъ препровожжены были новыя программы учебныхъ предметовъ.

Важнѣйшимъ практическимъ слѣдствіемъ расширенія учебныхъ программъ училища было дарованіе окончившимъ его права быть домашними учительницами. Ходъ этого важнаго дѣла былъ таковъ: въ 1869 году Св. Синодъ, имѣя въ виду пересмотрѣть программы училищъ дѣвицъ духовнаго званія, чтобы была вѣ возможность предоставить оканчивающимъ ихъ права домашнихъ учительницъ, затребовалъ мнѣнія объ этомъ, между прочимъ, и Правленія Виленскаго училища. По этому поводу Правленіе высказалось въ томъ смыслѣ, что училищный курсъ въ общемъ отличается отъ курса епархіальныхъ училищъ лишь меньшею полнотой, которая зависитъ отъ недостаточнаго числа уроковъ, и что только одного предмета не хватаетъ въ преподаваніи противъ епархіальныхъ училищъ, именно, физики. Для поднятія же учебнаго дѣла Правленіемъ признано дѣломъ первой важности преобразование училища изъ трехкласснаго въ шестиклассное и, по крайней мѣрѣ, увеличеніе числа уроковъ. Преемникъ Митрополита Іосифа Архіепископъ Макарій (вполнѣдствіи Митрополитъ Московскій) отнесся къ этому представленію Правленія съ отеческимъ вниманіемъ и, съ своей стороны, ходатайствовалъ о дарованіи кончающимъ Виленское училище права быть домашними учительницами, о преобразованіи училища въ шестиклассное, объ увеличеніи числа принимаемыхъ воспитанницъ и о дозволении быть въ училищѣ вольноприходящимъ. Первое ходатайство было подкрѣплено тѣми соображеніями, что Литовское духовенство вынуждено часто воспитывать дочерей дома, а за недостаткомъ православныхъ учительницъ пригласять католическыя учительницы; кромѣ того, съ водвореніемъ въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ окон-

чившимъ курсъ училища открылось бы въ ихъ семействахъ широкое поле дѣятельности. Въ отвѣтъ на это ходатайство Владыки Макарія Св. Синодъ (въ 1871 г.) отклонилъ до изысканія средствъ вопросъ о постройкѣ шестикласснаго училища, а относительно предоставленія воспитанницамъ правъ домашнихъ учительницъ сообщилъ, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ только тогда, когда программы училища будутъ сравнены съ таковыми же епархіальныхъ училищъ. Въ слѣдующемъ же (1872 году) съ послѣднею цѣлью изданы были новыя программы для училищъ дѣвицъ духовнаго званія, которыми, кромѣ расширенія курса преподаваемыхъ предметовъ, введенъ новый предметъ—физика, и наконецъ въ 1875 г. согласно ходатайству Архіепископа Макарія, указомъ Св. Синода отъ 3 января предоставлено было право домашнихъ учительницъ окончившимъ курсъ Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства (такое новое названіе всѣ училища дѣвицъ духовнаго званія получили съ 1874 г. съ Высочайшаго соизволенія въ согласіи съ Высочайшею отмѣною въ 1869 г. узаконенія о принадлежности дѣтей духовенства къ духовному званію).

(Продолженіе слѣдуетъ).

О церковныхъ лѣтописяхъ.

Во многихъ епархіяхъ существуетъ добрый обычай вести по церквамъ лѣтописи, въ которыхъ записываются всѣ выдающіяся событія изъ общественной епархіальной и, главнымъ образомъ, мѣстной приходской жизни. Не говоря уже о томъ, что церковныя лѣтописи со временемъ могутъ представить изъ себя серьезный и цѣнный матеріалъ для науки, за который отъ души поблагодарить потрудившихся надъ записью священныхъ служителей и историкъ, и археологъ, и этнографъ, онѣ весьма полезны и для самихъ членовъ причта того или другого прихода. Лѣтописи, давая картину приходской жизни за значительный періодъ времени, наглядно показываютъ ростъ или же, наоборотъ, уменьшеніе религиозно-нравственной жизни прихода и тѣмъ самымъ то ободряютъ пастыря въ его дѣятельности, то побуждаютъ проявить въ ней большую степень рачительности въ цѣляхъ препобѣжденія зла. Въ пастырскомъ служеніи огромное значеніе имѣетъ то искусство, съ какимъ прилагаются къ искорененію пороковъ духовныя средства, находящіяся въ распоряженіи пастыря. Чтобы въ совершенствѣ владѣть этимъ искусствомъ, надо,—помимо обладанія имъ, какъ даромъ Божиимъ,—учиться ему. Какое счастье для молодого пастыря, только что поступившаго на приходъ, если его предше-

ственникъ былъ обладателемъ великаго искусства управлять душами вѣрующихъ, и съ его искусствомъ молодой, робкій въ первыхъ шагахъ своего служенія, пастырѣ можетъ познакомиться не по однимъ плодамъ дѣятельности, но еще и по собственноручнымъ замѣткамъ и сообщеніямъ предшественника въ церковной лѣтописи. Рисуя жизнь прихода за 30, 40, 50 лѣтъ священства и открывая все, что было предпринято пастыремъ къ исправленію и подъему приходской жизни за этотъ длинный періодъ времени, церковная лѣтопись явится для молодого священника своего рода духовнымъ завѣщаніемъ, оставленнымъ ему его почтеннымъ предшественникомъ въ назиданіе и руководство,—какъ, въ какомъ духѣ, въ какомъ направленіи, съ какими средствами должно продолжать ему веденіе уже палаженнаго приходскаго дѣла. Съ лѣтописью подъ руками новый настоятель прихода быстро войдетъ въ курсъ приходской жизни, не растеряется, не почувствуетъ себя въ безпомощномъ состояніи, не растратитъ понапрасну запаса энергіи на такія начинанія, которыя оказались бы неудобосполнимыми при наличныхъ условіяхъ, или нашли уже себѣ то или иное осуществленіе въ приходѣ при прежнемъ настоятелѣ и требуютъ только продолженія и поддержки со стороны его преемника.

Радости и скорби въ пастырской дѣятельности смѣняютъ другъ друга. То пастырѣ съ отрадою замѣчаетъ, что прихожане, внимая его голосу, стараются освободиться отъ обуявшихъ ихъ пороковъ и заблужденій, то, наоборотъ, съ сердечной болью видитъ, какъ съ ужасной быстротой, подобно пожару, охватившему деревянныя строенія, разрастается зло среди прихожанъ, и нѣтъ средствъ въ распоряженіи пастыря остано-вить это зло въ минуту его временнаго торжества. И опять страницы лѣтописи, на которыхъ добросовѣстно отмѣчены години пастырскихъ радостей и печалей, способны ободрить унывающій духъ священника и вселить въ него вѣру, что торжество остается, въ концѣ концовъ, только за добромъ, а зло беретъ перевѣсъ лишь на время. Такъ было раньше, такъ будетъ и теперь, и послѣ.

Несомнѣнная польза церковныхъ лѣтописей побудила многіе епархіальные органы обратиться къ мѣстному духовенству съ призывомъ тщательнѣе вести приходскія лѣтописи. *) Въ нашемъ краѣ такія краткія записи явленій мѣстной церковно приходской жизни въ особенности необходимы. Здѣсь, въ смѣшанныхъ приходахъ усиленнѣе бьется жизненный пульсъ, здѣсь идетъ часто скрытая, но непрерывная война, въ которой приходскій священникъ является и полководцемъ и военнымъ корреспондентомъ. Многія засилія католиковъ, достовѣрно извѣстныя пастырю по условіямъ ихъ проявленія и по ихъ неуволности не могутъ подлежать судебному преслѣдова-

нію и даже опубликованію, но они найдутъ мѣсто въ церковной лѣтописи и послужатъ урокомъ для всѣхъ, кому придется продолжать ту же войну. Послѣдняя требуетъ не только знанія тактики противника, но и выработки своихъ приѣмовъ, что также послужитъ хорошимъ урокомъ. Въ лѣтописи затѣмъ найдутъ мѣсто сообщенія объ организаци и дѣятельности приходскихъ братствъ, событія общей епархіальной жизни, посѣщенія владыкъ, выдающіяся историческія событія въ краѣ, археологическія находки, чрезвычайныя явленія физической природы и проч. Все это очень важно, поучительно и несомнѣнно послѣдующее православное пастырство и историческая наука всѣмъ составителямъ церковныхъ лѣтописей въ послѣдующее время воздастъ большую благодарность. Очень желательно, чтобы церковныя лѣтописи были введены при всѣхъ церквяхъ нашего края.

Православный.

Философскій взглядъ на религіозные обряды.

Сектанты раціоналистическаго направленія, напимѣръ, баптисты, пашковцы и др., отрицаютъ Церковь и отрицаютъ всякую религіозную обрядность. Интересно знать, какъ смотритъ на религіозные обряды здравая философская мысль. Въ этомъ отношеніи поучительно мнѣніе такого безпристрастнаго философа, какъ покойный профессоръ Московскаго университета Чичеринъ. Вотъ что онъ говоритъ объ обрядахъ.

Догматы вѣры составляютъ одну сторону религіи. Въ отличіе отъ философіи, ими не исчерпывается ея существо. Самая цѣль ихъ состоитъ не въ одномъ познаніи Бога, а въ установленіи, посредствомъ познанія, живого отношенія между человѣкомъ и Божествомъ. А такъ какъ человѣкъ есть существо не только разумное, но и чувственное, то это стремленіе должно проявляться и внѣшнимъ, чувственнымъ образомъ. Связь религіи со всѣми сторонами человѣческаго естества ведетъ къ потребности внѣшняго поклоненія. Религіозная мысль и религіозное чувство выражаются въ тѣлесныхъ формахъ.

Внѣшнее поклоненіе составляетъ, можно сказать, художественный элементъ религіи. Выраженіемъ мысли служитъ художественно обработанное слово, выраженіемъ чувства—тѣлодвиженія и музыкальные звуки. Къ этому присоединяется и внѣшняя обстановка, дѣйствующая на душу, предметы и изображенія, представляющіе неви-

*) Напр. Тул. Еп. Вѣд. 1911 г., № 24. Орл. Еп. Вѣд.

димое въ видимой формѣ. Религіи съ односторонне рационалистическимъ направлениемъ (сектанты) стараются по возможности уменьшить значеніе этого элемента. Сокращеніе обрядовъ и уничтоженіе всякихъ внѣшнихъ знаковъ благоговѣнія считается даже принадлежностью высшаго образованія. Такое отрицательное отношеніе къ внѣшнимъ формамъ оправдывается отчасти тѣми злоупотребленіями, которыя порождаются излишнею къ нимъ привязанностію. Человѣкъ, стоящій на низкой степени умственного развитія, не способенъ строго отличать внѣшнее отъ внутренняго. Нерѣдко для него изображенное сливается съ самымъ изображаемымъ. Исполненіе внѣшнихъ обрядовъ кажется ему важнѣе, нежели выражающееся въ нихъ духовное содержаніе. Но, если эти злоупотребленія составляютъ крайность внѣшняго формализма, то отрицаніе всякой внѣшности составляетъ другую, противоположную крайность, которая точно также не можетъ быть оправдана разумомъ. Если религія должна обнимать собою всѣ стороны человѣческаго естества, то не слѣдуетъ уничтожать въ ней внѣшній элементъ, который составляетъ существенную ея принадлежность, а надобно только внушать вѣрующимъ пониманіе истиннаго его смысла.—Внѣшнія формы служатъ не только выраженіемъ чувства, но и сами воздѣйствуютъ на чувство, возбуждая въ человѣкѣ религіозное настроеніе. И чѣмъ податливѣе народъ на художественныя впечатлѣнія, тѣмъ этотъ элементъ для него важнѣе. Первоначальнымъ, самымъ естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства служатъ тѣлодвиженія. Человѣкъ невольно склоняется передъ видимымъ или представляемымъ образомъ Божества; онъ падаетъ ницъ, выражая тѣмъ мольбу, смиреніе или покорность. Рационализмъ отвергаетъ всѣ подобныя изъясненія также, какъ онъ отвергаетъ и крестное знаменіе, которымъ христіанинъ непосредственно выражаетъ свою вѣру въ верховный догматъ своей религіи. По теоріи рационалистовъ, всякое религіозное движеніе души должно выражаться словомъ, какъ будто чувство непременно изливается только въ словѣ и не находитъ тысячи другихъ путей для непосредственнаго своего выраженія. Когда живописецъ хочетъ представить намъ человѣка, проникнутаго религіознымъ благоговѣніемъ, онъ изображаетъ его колѣнопреклоненнымъ, съ глазами, поднятыми къ небу, съ выраженіемъ религіознаго умиленія на лицѣ, и этотъ художественный образъ, составляя естественное выраженіе чувства, возбуждаетъ умиленіе въ самомъ зрителѣ, и заставляетъ и его возноситься душою къ вѣчному источнику жизни. Тѣлесныя выраженія религіознаго чувства нерѣдко болѣе способствуютъ возбужденію общаго настроенія, нежели самое слово. Крестное знаменіе болѣе связываетъ христіанъ, нежели какаѣ бы то ни была молитва. Оно представляетъ имъ въ живомъ и непосред-

ственно понятномъ знакѣ все то, за что они готовы положить свою душу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти изъясненія могутъ обратиться въ механизмъ. Механическое повтореніе тѣлесныхъ движеній можетъ обратиться въ привычку; но почему же привычка, которая составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ человѣческой жизни, должна быть изъята отъ вліянія религіи? Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ обрядахъ, которые въ болѣе сложной формѣ представляютъ такое же выраженіе религіознаго чувства, какъ и простыя тѣлодвиженія. Ничто такъ не способствуетъ благоговѣйному настроенію, ничто такъ не соединяетъ людей въ общемъ чувствѣ, какъ исполненіе обрядовъ съ пониманіемъ истиннаго ихъ смысла. Обрядъ есть выраженіе религіознаго содержанія, вылившагося въ типическую форму, которая передается отъ поколѣнія поколѣнію. Онъ не только представляетъ полное, художественное изображеніе извѣстной идеи, очищенной отъ всякой субъективной примѣси, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ связью между отдаленнѣйшими временами и народами. Оттого обрядъ бываетъ такъ дорогъ человѣку. Даже то, что уже потеряло свой первоначальный смыслъ, сохраняется, какъ наслѣдіе предковъ, какъ воспоминаніе о давно прошедшихъ вѣкахъ.

Еще высшее значеніе получаютъ обряды черезъ то, что они обыкновенно представляютъ символическія изображенія событій религіозной жизни, дѣйствій Самого Божества. Человѣкъ самъ, въ видимой формѣ, изображаетъ то, что составляетъ содержаніе его вѣры. Подъ тѣлесными движеніями скрывается для него таинственный смыслъ. Вслѣдствіе этого, каждый шагъ получаетъ здѣсь высшее, религіозное значеніе; нарушеніе обрядовъ представляется святотатствомъ.—Наконецъ, обряды имѣютъ и воспитательное значеніе. Они приучаютъ человѣка подчиняться общему порядку и воздерживать свои личныя влеченія. Сюда относятся, напримѣръ, посты, налагающіе на вѣрующихъ извѣстныя лишенія во имя религіозной цѣли. Высшее развитіе естественно ведетъ къ тому, что духовное содержаніе религіи цѣнится болѣе, нежели внѣшнія формы. Человѣкъ начинаетъ думать, что главная его задача въ религіозной сферѣ заключается не въ исполненіи обрядовъ, а въ нравственной жизни и въ вознесеніи ума и сердца къ Богу. Но и тутъ легкомысленное пренебреженіе къ обрядамъ всегда составляетъ признакъ односторонняго и ограниченнаго пониманія. И для образованнаго человѣка обрядъ представляетъ типическое изображеніе религіозной идеи, отвѣчающее существенной потребности души и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливающее связь лица съ окружающимъ его религіознымъ міромъ.—Въ тѣсной связи съ обрядами стоятъ внѣшнія изображенія лицъ и событій, составляющихъ предметъ религіознаго поклоненія. Язычникъ покло-

нялся Богу въ явленіяхъ природы; христіанинъ ищетъ Бога уже не въ природѣ, а въ духѣ: для него изображеніе Божества можетъ быть только дѣломъ духовной дѣятельности человѣка, то есть, религіознаго чувства, вылившася въ художественное произведеніе. Но вѣрное чутье простаго человѣка требуетъ чтобы это произведеніе представляло ему не столько художественный типъ, сколько символъ невидимаго. Чѣмъ ближе оно къ знакомымъ ему человѣческимъ образамъ, тѣмъ менѣе оно способно возбудить въ немъ религіозное чувство. Въ странныхъ и нерѣдко некрасивыхъ очертаніяхъ лицъ простой человѣкъ видитъ нѣчто совершенно чуждое блеску и подвижности земнаго бытія. Чѣмъ менѣе въ нихъ тѣлеснаго подобія, тѣмъ болѣе они напоминаютъ ему иной, невидимый міръ, передъ которымъ онъ преклоняется въ благоговѣніи. И образованный человѣкъ, умѣющій понимать искусство на всѣхъ его ступеняхъ, не можетъ не быть пораженъ, когда онъ входитъ въ храмъ, наполненный старинными иконами или мозаиками, и видитъ эти строгія лица, съ ихъ первобытною простотою, съ ихъ неподвижнымъ взглядомъ: они переносятъ его въ иную область, и онъ ощущаетъ въ себѣ то религіозное настроеніе, которымъ проникнуто все кругомъ. Въ простыхъ чертахъ первобытной иконы онъ цѣнитъ то чувство, которое руководило рукою художника. Но образованный человѣкъ требуетъ и другого. Для него, внѣшняя красота художественнаго произведенія не заслоняетъ выражающейся въ немъ идеи; напротивъ, онъ цѣнитъ въ немъ именно полное и гармоническое выраженіе идеи. Вслѣдствіе этого, для образованныхъ классовъ, художественныя изображенія религіозныхъ предметовъ служатъ новымъ источникомъ религіознаго настроенія, также какъ и наоборотъ, самыя эти изображенія являются выраженіемъ господствующаго въ обществѣ религіознаго чувства. Религія всегда была высшимъ вдохновляющимъ началомъ для художниковъ, ибо нѣтъ идей, болѣе способныхъ облечься въ типъ идеальной красоты. Конечно, съ этимъ не согласятся тѣ, которые видятъ въ искусствѣ только подражаніе дѣйствительности. Но кто знаетъ, что высшее для искусства есть идеаль, тотъ понимаетъ, что высшимъ его проявленіемъ должно быть изображеніе идеальнаго міра, въ которомъ властвуютъ абсолютныя идеи. Такимъ было искусство въ древней Греціи; такимъ оно было и во времена Возрожденія, когда духовное содержаніе христіанства вылилось въ художественную формулу, выработанную древностью. И дониндѣ, чудеса искусства, сосредоточенныя въ Римѣ, служатъ одною изъ главныхъ приманокъ католицизма. Дивная форма, въ которую облечено религіозное содержаніе, настраиваетъ человѣка къ живому воспринятію этого содержанія. Напротивъ, протестантизмъ, отвергнувъ всякія внѣшнія изобра-

женія религіозныхъ предметовъ, уничтожилъ въ себѣ живой источникъ какъ художественнаго творчества, такъ и религіознаго настроенія. Это отрицательное отношеніе къ искусству не только служитъ выраженіемъ односторонняго направленія религіи, но и само способствуетъ развитію этой односторонности. Цѣлый существенный и притомъ идеальный элементъ человѣческой души остается безъ всякой связи съ религіозною жизнію.

(О. Е. В.)

Священникъ и его жена, какъ приходскіе дѣятели.

И въ печати, и въ обществѣ неоднократно говорили и говорятъ о бездѣятельности и полной инертности православнаго духовенства. Упрекаютъ духовенство за то, что оно проситъ казеннаго жалованья и тѣмъ якобы хочетъ превратиться въ чиновниковъ и удалиться отъ ближайшаго соприкосновенія съ народною жизнію; приписываютъ ему стремленіе къ пріобрѣтенію свѣтскаго лоска, къ свѣтской роскоши въ одеждѣ и прочемъ житейскомъ обиходѣ; ставятъ ему въ вину рѣдкое и несамостоятельное произношеніе проповѣдей, лѣность въ исполненіи законоучительскихъ обязанностей, обвиняютъ въ корыстолюбіи и нежеланіи довольствоваться, по примѣру апостольскому, добротными даяніями и тому подобное. Не оставляютъ, наконецъ, въ покоѣ и сельскихъ матушекъ, приписывая имъ полную разобщенность съ народомъ и тяготѣніе къ свѣтской жизни; и если въ печати случайно появляется замѣтка о какой-либо матушкѣ, проявившей себя въ роли учительницы, цѣлительницы и руководительницы женскаго населенія въ приходѣ, то таковой примѣръ, какъ бы исключеніе, превозносится до небесъ: о немъ повторяютъ въ печати, на него указываютъ въ обществѣ, и часто въ присутствіи священниковъ и ихъ женъ какъ бы въ назиданіе идутъ рассказы о томъ, что вотъ-де тамъ-то священникъ заявилъ себя безрѣбренникомъ, проповѣдникомъ, борцомъ за народную трезвость, а вотъ тамъ-то матушка обучаетъ женщинъ молитвамъ, руководѣліямъ, безвозмездно лѣчитъ больныхъ, во множествѣ приходящихъ къ ней и проч.

Конечно, среди приходскихъ священниковъ и ихъ женъ встрѣчаются исключительно идеальныя свѣтлыя личности, всецѣло и до самозабвенія отдавшія себя на служеніе благу народному, — недавній примѣръ чтимаго (покойнаго) о. Іоанна

Кронштадтскаго, этого пастыря-молитвенника, пастыря народника, вполне подтверждает этот фактъ. Но, несомнѣнно, такъ-же и то, что такія личности единичны, и рѣдко кому изъ заурядныхъ пастырей посилено достигнуть такого высокаго духа и жизни, какая была свойственна Кронштадтскому пастырю.

А то, что превозносятъ обычно въ печати и разговорахъ въ обществѣ о добродѣтеляхъ того или иного батюшки или его супруги, вовсе уже не является исключеніемъ, и почти всѣ наши батюшки и матушки вовсе не чужды этихъ хорошихъ качествъ и дѣлъ. Дѣло лишь въ томъ, что иные изъ нихъ попадаютъ, какъ говорится, въ свѣтлую полосу, ихъ кто-нибудь замѣчаетъ, обращаетъ вниманіе на какое-либо ихъ дѣло, сообщаетъ о немъ въ печати и вотъ намъ указываютъ на пастыря идеальнаго, пастыря труженика и печальника народнаго, готоваго душу свою положить за други своя.

А если бы внимательно присмотрѣться къ дѣятельности такого образцоваго пастыря, то мы увидѣли бы, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ и всѣ другіе, или, по крайней мѣрѣ,—громадное большинство приходскихъ пастырей. Разница лишь въ томъ, что дѣятельность этого большинства іереевъ, трудящихся по закоулкамъ вашей обширной Руси, очень незамѣтна для общества, для газетныхъ и журнальныхъ корреспондентовъ и даже для начальствующихъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе отчетовъ о пастырской дѣятельности,—незамѣтна такъ же, какъ для неопытнаго глаза незамѣтна кропотливая работа въ ульѣ пчелы работницы. И только немногія лица изъ общества, любящія православное духовенство и сочувствующія ему, знаютъ, какіе труды несетъ приходскій священникъ, какія многосложныя обязанности приходится ему выполнять и сколько духовныхъ и физическихъ силъ приходится ему вкладывать въ порученное ему весьма нелегкое и ответственное дѣло пастырства.

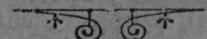
Прежде всего, немало времени у священника отнимаетъ исполненіе приходскихъ требъ; это въ особенности нужно сказать о приходахъ большихъ съ разбросанными и удаленными отъ храма селеніями. Путешествіе въ деревню за 10—15, а то и больше, верстъ для напутствія, напр., больныхъ, или для иной какой либо требы, да еще на плохой крестьянской лошади, по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, занимаетъ обыкновенно у него чуть не цѣлый день, затѣмъ крестины, погребенія, разнаго рода молебствія и проч.,—все это какъ будто бы дѣла и небольшія, но тѣмъ не менѣе, требуя немедленнаго удовлетворенія, отвлекаютъ священника отъ всѣхъ другихъ дѣлъ. Затѣмъ, слѣдуетъ законоучительство въ начальныхъ школахъ. Это уже особая дѣятельность пастыря. Съ расширеніемъ школьной сѣти, число школъ чрезвычайно увеличивается, и рѣдкій свя-

щенникъ, даже небольшого прихода, не законоучительствуетъ въ двухъ, трехъ и даже четырехъ школахъ. Если въ числѣ ихъ есть школы церковныя, то священникъ долженъ быть (и бываетъ) въ ней каждый день; а если за 6—8 верстъ имѣется еще одна или двѣ школы земскихъ, то и въ нихъ ему нужно побывать не менѣе двухъ-трехъ разъ въ недѣлю, чтобы болѣе или менѣе успѣшно пройти положенную программу по Закону Божию. Совершенно не посѣщать школу нельзя и, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ священникъ не уклоняется отъ законоучительства, справедливо вида въ немъ удобнѣйшій способъ духовно нравственнаго воздѣйствія на приходъ. Я знаю священниковъ, посѣщающихъ свои школы почти каждый день, если только есть свобода отъ требъ; я знаю священниковъ, ведущихъ въ школахъ религиозно нравственныя собесѣдованія и чтенія. Это ли лѣность и нерадѣніе? Это ли пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ?

Затѣмъ, я знаю священниковъ, устроившихъ образцовыя общества трезвости, весьма успѣшно функционирующія и привлекающія къ себѣ не малое число членовъ съ обѣтами трезвости. Это ли не забота о своихъ паствахъ?

Что касается проповѣднической дѣятельности приходскаго духовенства, то она проявляется и въ церковныхъ поученіяхъ съ кафедръ, и въ частныхъ бесѣдахъ. Зайдите вы въ любомъ селѣ въ храмъ въ Господскій, Богородичный или храмовой праздникъ и вы всегда услышите пастырское слово, хотя иногда и несобственное, но во всякомъ случаѣ простое и безыскусственное, а потому и понятное для народа. Частныя же бесѣды о душевнораспалительныхъ предметахъ каждый священникъ ведетъ съ прихожанами при каждомъ случаѣ; посѣщаетъ ли онъ больныхъ и умирающихъ, присутствуетъ ли на поминальной трапезѣ, раздѣляетъ ли таковую съ селянами послѣ молебствія,—всегда и всѣ ожидаютъ отъ пастыря назидательной бесѣды, и въ силу этого ожиданія онъ вынужденъ бываетъ, даже если бы по лѣности и не желалъ, дать своимъ собесѣдникамъ наставленіе соответственное тому или другому случаю. И каждый пастырь въ такихъ случаяхъ охотно дѣлится съ окружающими словами назиданія, ибо, будучи, какъ главный приходскій наставникъ, центромъ вниманія своихъ собесѣдниковъ, онъ приложитъ все стараніе къ тому чтобы поддержать это вниманіе и на будущее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы своимъ молчаніемъ не уронить свой пастырскій авторитетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

П О К Р А Ю.

Хроника церковно-общественной жизни.

* * Вильна. Открытіе Епархіального Миссіонерскаго комитета. На дняхъ организованъ *Литовскій епархіальный миссіонерскій комитетъ*. Въ составъ его, по назначенію Владыки, вошли слѣдующія лица: предсѣдатель комитета—Преосвященный Елевѳерій, Епископъ Ковенскій, и члены: кафедральный протоіерей о. В. Знаменскій, прот. М. Плиссъ, свящ. К. Околовичъ, М. Никольскій и преподаватели семинаріи: А. И. Миловидовъ и М. И. Хвалынский.

24 минувшаго октября комитетъ впервые собрался въ покояхъ Высокопреосвященнаго настоятеля вил. св.-Духов. монастыря для обсужденія текущихъ вопросовъ по миссіонерскому дѣлу.

Послѣ молитвы, Епископъ Елевѳерій обратился къ членамъ комитета съ воодушевленною рѣчью, въ которой, между прочимъ, краснорѣчиво высказалъ, что теперь, когда воинствующій католицизмъ и сектантство черною тучею надвигаются на нашу православную Церковь, всѣмъ православно-русскимъ людямъ должно стать на стражѣ своей вѣры, своей народности и своихъ интересовъ.

Теперь нельзя закрывать глаза на опасность—она велика, она стучится въ дверь. Рать непріятельская растетъ. Кадры увеличиваются.

Духовная война неизбежна. Необходимо мобилизовать свои могучія церковныя силы. Нужно выстроить свои ряды доблестныхъ воиновъ церковныхъ. Не время предаваться бесплодному унынію, а нужно дружно, энергично вырабатывать средства борьбы съ опасными врагами, которые и сильны только за счетъ нашей безпечности и разединенія русскихъ людей..

«Наша миссія, говорилъ Владыка, должна быть поэтому поставлена на идеальную высоту и комитетъ долженъ приложить всѣ свои силы, все свое знаніе и умѣніе въ дѣлѣ борьбы съ окружающею насъ непріятельскою ратью».

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на слушателей.

По окончаніи рѣчи, по предложенію Владыки Елевѳерія, комитетъ единогласно избралъ товарищемъ предсѣдателя кафедрального протоіерея о. В. Знаменскаго, а секретаремъ—настоятеля Знаменской церкви О. К. Околовича.

Затѣмъ, по обмѣнѣ мнѣніями о взаимоотношеніи православія и иновѣрія, комитетъ положилъ основы, на которыхъ должна развиваться православная миссія.

Постановили, между прочимъ, сдѣлать смотръ своимъ приходскимъ силамъ миссіонеровъ, сплотить и вдохновить ихъ, воодушевить пастырей и пасомыхъ любовью и рвеніемъ къ святому дѣлу защиты православія.

Смѣемъ думать, что миссіонерскій комитетъ подъ наблюденіемъ нашего Архипастыря и просвѣщеннымъ, энергичнымъ руководствомъ Владыки Елевѳерія окажется на высотѣ своего значенія.

Богъ въ помощь ему въ этомъ большомъ дѣлѣ.

* * Вильна. Къ постройкѣ историческаго храма-памятника. Постройка храма на Погулянкѣ быстро подвигается впередъ: сложены 4 малыя главы кладется барабанъ и большая глава, много сложено колоколни. Къ 1-му ноября храмъ долженъ быть оконченъ вчернѣ, почему работаютъ день и ночь.

24-го октября, по приглашенію предсѣдателя строительнаго комитета по сооруженію въ Вильнѣ на средства д. с. с. И. А. Колесникова храма въ память предстоящаго трехсолѣтнаго юбилея царствованія Дома Романовыхъ и князя К. К. Острожскаго, начальникъ инженеровъ виленскаго военнаго округа ген.-лейт. К. Х. Лимаренко вмѣстѣ съ военнымъ инженеромъ полковникомъ В. В. Сахаровымъ подробно осматривали заканчиваемыя вчернѣ работы по возведенію храма и нашли, что онѣ ведутся вполне правильно и прочно.

Это авторитетное слово, надѣмся, заставитъ замолчать тѣхъ критиковъ дѣятельности строительнаго комитета, которые не умѣютъ отличить хорошій кирпичъ отъ дурного и принимаютъ за послѣдній зеленые кирпичи, тогда какъ этотъ родъ прожженнаго кирпича самый лучший.

* * М. Свирь, Виленской губ. Въ ночь съ 10 на 11 Октября, послѣ тяжкой полугодовой болѣзни скончался ктиторъ Засвирскаго приходскаго храма надворный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Сердюковъ. Утрата тяжкая для церкви и для Засвирскаго Братства, ревностнымъ членомъ котораго онъ состоялъ. Въ теченіе 3-ми лѣтъ этотъ глубокорелигіозный человекъ, будучи церковнымъ старостой всѣми забытаго убогаго Засвирскаго храма всю душу свою клалъ на внутреннее благоуукрашеніе Дома Божія, не мало жертвуя на церковную утварь, иконы и облаченія, но по смиренію своему просилъ не разглашать объ этомъ. Много скорбѣлъ почившій о невозможности реставрировать на средства бѣднаго прихода, когда-то величественный, а нынѣ полуразрушенный обширный каменный Засвирскій храмъ; его стараніями устроена была при чайной общества трезвости въ м. Свири, домашняя часовня, гдѣ удовлетворялись религіозныя потребности служилаго населенія мѣстечка, отдаленнаго отъ приходской церкви на 8 верстъ. Въ этой-то часовнѣ, благодаря милостивому разрѣшенію нашего Архипастыря, и было совершено отпѣваніе почившаго, такъ какъ перевести тѣло его къ приходской церкви, вслѣдствіе быстрого разложенія отъ водянки, невозможно было. Тысячи народа разныхъ національностей, рыдая

провожали къ мѣсту вѣчнаго упокоенія извѣстнаго своею благотворительностью этого безгранично добраго человѣка, къ которому тяготѣли сердца всѣхъ, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Да упокоитъ Господь его кристально-чистую душу въ селеніяхъ праведныхъ, а жизнь его и христіанская праведная кончина да будетъ въ назиданіе и вѣчную память намъ о почившемъ.

Н. П.—вичь.

* * * Гродна. Оскорбленіе православнаго діакона. 30-го сентября въ губернскомъ присутствіи разбиралось интересное для характеристики польскихъ къ намъ отношеній дѣло по оскорбленію одного изъ гродненскихъ діаконѣвъ. Сущность этого дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Гулявшія по Соборной улицѣ четыре польки, увидѣвши проходившаго мимо нихъ діакона, стали плевать на него, какъ на представителя схизматической Церкви. Нестерпѣвшій оскорбленія діаконъ заявилъ объ этомъ полиціи, которая и составила о случившемся протоколъ. Къ сожалѣнію, кромѣ жены оскорбленнаго діакона, другихъ свидѣтелей поведенія фанатичекъ не было. Протоколъ былъ переданъ полиціймейстеромъ для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности одному изъ городскихъ судей, признавшему оскорбительницъ, за отсутствіемъ свидѣтелей, по суду оправданными. Недовольный этимъ рѣшеніемъ полиціймейстеръ перенесъ дѣло въ уѣздный сѣздъ, ссылаясь на то, что случаи подобныхъ оскорбленій дѣйствіемъ духовенства въ городѣ весьма часты, что хотя у діакона постороннихъ свидѣтелей и не было, но нѣтъ никакихъ основаній допускать, чтобы діаконъ измышлялъ фактъ, что, наконецъ, оправданіе оскорбительницъ дастъ поводъ къ новымъ оскорбленіямъ духовенства. Уѣздный сѣздъ, признавъ рѣшеніе судьи неправильнымъ, передалъ дѣло на разсмотрѣніе другому городскому судѣ, который, усмотрѣвъ въ поведеніи фанатичекъ незаслуженное оскорбленіе лица, долженствующаго пользоваться особымъ уваженіемъ, приговорилъ оскорбительницъ къ мѣсячному аресту каждую безъ замѣны штрафомъ. Обвиненныя подали на этотъ приговоръ судьи жалобу въ губернское присутствіе. Последнее, разсмотрѣвъ дѣло, приговоръ судьи утвердило. По официальному сообщенію полиціймейстера, случаи оскорбленій плевками православнаго духовенства весьма часты. Но наше духовенство почти никогда не возбуждаетъ дѣлъ по этимъ оскорбленіямъ. Чтобы заговорили ксендзы, если-бы что-либо подобное было допущено православными по отношенію къ нимъ?

Изъ жизни Братствъ.

(Продолженіе).

ВЪ ДОМОСТЬ.

о приходѣ и расходѣ Миссіонерскихъ суммъ

За 1910 г.

ПРИХОДЪ.

	Наличными.		Билетами.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Поступило изъ хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ . . .	1000	—	—	—
2. Остатокъ отъ 1909 г. . .	—	57	—	—
Итого:	1000	57	—	—

РАСХОДЪ.

1. На вознагражденіе за катехизаторскіе труды свящ. о. М. Квятковскаго	150	—	—	—
2. На вознагражденіе г-жи Вейнштейнъ за миссіонерскіе труды (за декабрь и часть ноября 1909г. и за 1910 г.) . .	331	—	—	—
3. Ей-же квартирныхъ отъ апрѣля мѣсяца 1910 г.	90	—	—	—
4. Ей-же наградныхъ и пособія	142	—	—	—
5. Расходы при крещеніи и помощь новокрещеннымъ	118	35	—	—
Итого . .	831	35	—	—

За вычетомъ расхода изъ прихода въ остаткѣ къ 1911 году . . . . . 169 22 — —

(Продолженіе слѣдуетъ).

На служеніе слову Христовой Истины.

18.

Поученіе въ день Собора св. архистр. Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, 8-го ноября.

(Объ Ангелахъ-Хранителяхъ).

«Блудите, да не презрите одинаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангела ихъ на небесѣхъ выну видять лице Отца Моего Небеснаго». (Ме 18, 10).

Самъ Господь Иисусъ Христосъ сими словами свидѣтельствуеъ, что каждый чело-вѣкъ-христіанинъ имѣеъ отъ Бога при себѣ небеснаго покровителя въ лицѣ одного изъ ангеловъ, и Св. Церковь твердо вѣруеъ, что съ момента крещенія Отецъ Небесный вручаеъ насъ храненію ангеловъ, которые пре-бываютъ съ нами до конца нашей жизни, или лучше—до того часа, когда судъ Божій опредѣлитъ нашу загробную участь—въ радости или блаженствѣ ожидать послѣдняго суда Христова. Благодареніе Богу, что Онъ, сверхъ Своего постояннаго промысленія, простирающагося на всю вселенную, къ каждому изъ насъ приставляеъ еще особаго Ангела-Хранителя. Какое это для насъ благодѣяніе, въ этомъ мы можемъ убѣж-даться каждую минуту. Обратимъ вниманіе, какъ слабы и ограничены наши силы ду-шевные и тѣлесныя. Очень, очень мало сво-ими силами мы можемъ сдѣлать для охране-нія какъ себя, такъ и всего того, что почи-таемъ своимъ, что любимъ и въ чемъ по-ставляемъ свое довольство и счастье. Вотъ, напр., мы работаемъ: Богъ благословляеъ наши труды, у насъ является достатокъ—и

хлѣбъ, и одежда, и скоть, а у иного и день-ги. Это—дары Божіи, которыми мы дорожимъ и которые бережемъ. Но убережемъ ли ихъ мы сами, если не убережетъ Господь черезъ Ангела-Хранителя? Конечно, нѣтъ; мы на-столько ограничены въ своихъ силахъ, что не въ состояніи сохранить и уберечь даже свою собственную жизнь и здоровье. Каж-дую минуту, каждое мгновеніе угрожаютъ намъ болѣзни, каждую минуту можетъ под-косить смерть. Умираеъ чело-вѣкъ безъ пи-щи, умираеъ и отъ пищи, умираеъ въ домѣ, умираеъ неожиданно и въ дорогѣ, умираеъ за работою, умираеъ и во время отдыха. Смерть какъ бы по пятамъ ходитъ за нами. Что же спасаеъ насъ отъ нея? Одно милосердіе и долготерпѣніе Божіе, одно охраненіе и ходатайство о насъ нашего Ангела-Хранителя. Ап. Петръ, по зельнію царя Ирода, былъ взятъ и заключенъ въ темницу. Рѣшено уже было умертвить его. «Когда же Иродъ хотѣлъ вывести его изъ темницы къ народу, въ ту ночь Петръ спалъ между двумя воинами, скованный двумя цѣ-пями, и стражи у дверей стерегли темницу. Явившійся внезапно Ангелъ, толкнувъ Петра въ бокъ, пробудилъ его и сказалъ: встань скорѣе. И цѣпи упали съ рукъ его. И ска-залъ ему Ангелъ: опояшься и обуйся. Онъ сдѣлалъ такъ. Потомъ говоритъ ему: надѣнь

одежду твою и иди за мною. Петръ вышелъ и слѣдовалъ за нимъ, не зная, что дѣлаемое Ангеломъ было дѣйствительно, а думая, что видитъ видѣніе» (Дѣян. 12, 3—9). Такъ Ангель-Хранитель явно избавилъ отъ смерти ап. Петра. Много можно было бы представить примѣровъ ангельскаго охраненія людей, но явныя явленія ангеловъ вызываюся исключительными и рѣдкими случаями. Въ невидимомъ же охраненіи насъ ангелами мы можемъ убѣдиться всегда, если скольконибудь будемъ внимательны къ своей жизни. Со всякимъ изъ насъ, конечно, бывали въ жизни такіе случаи, что, по минованіи ихъ, мы только удивлялись, какъ остались цѣлы и невредимы: иному, напр., случалось падать съ большой высоты, другому угрожала опасность утонуть, третьему грозила потеря имущества и т. д.; думается, нѣтъ человѣка, который бы не подвергался какой-либо опасности, но какимъ-то непонятнымъ для него образомъ спасался отъ нея. Эту невидимую помощь оказываетъ никто иной, какъ Ангель-Хранитель. Итакъ, Ангель-Хранитель охраняетъ нашу жизнь тѣлесную. А что сказать о жизни духовной? Сколько у нея опасностей? Окружающій насъ міръ такъ преисполненъ соблазнами, что Самъ Господь со скорбію сказалъ: «горе міру отъ соблазнъ» (Мф. 18, 7). Духъ злобы непрестанно стережетъ насъ на всѣхъ путяхъ жизни, «ходитъ, яко левъ рыкающій, искій кого поглотити» (1 Петр. 5, 8). Онъ всячески старается насъ погубить своими кознями. Непримѣтно для насъ онъ внушаетъ намъ грѣховныя помыслы, въ сердце нашемъ возбуждаетъ злыя чувствованія и желанія. Погибли бы мы окончательно, если-бы не хранилъ насъ добрый Ангель-Хранитель. За насъ, за наше спасеніе онъ вступаетъ въ борьбу съ злымъ духомъ; мы не видимъ этой борьбы, но она, безъ сомнѣнія, существуетъ; не даромъ ангелы и въ св. Писаніи называются воинствомъ небеснымъ. Если же и теперь мы видимъ, что многіе изъ насъ погибаютъ, то причиною тому уже сами мы, неблагодарные, ибо своими грѣхами часто дѣлаемъ себя недостойными благодатнаго храненія своего Ангела-Хранителя. «Какъ дымъ прогоняетъ

пчель и зловоніе—голубей,—говорить св. Василій Великій,—такъ многоплачевный и зловонный грѣхъ отгоняетъ отъ насъ Ангела-Хранителя нашей жизни». Вотъ что называется, напр., въ житіи препод. Нифонта. Сей св. мужъ, шедши однажды изъ церкви, увидѣлъ у воротъ одного дома Ангела Божія въ образѣ юноши, горько плачущаго. Преподобный остановился и спросилъ о причинѣ скорби. «Я,—отвѣтилъ Ангель,—приставленъ Богомъ къ одному человѣку хранить его; но этотъ человѣкъ впалъ въ распутство и теперь предается беззаконію въ этомъ нечестивомъ домѣ: какъ же мнѣ не скорбѣть о его гибели? Какъ не плакать о томъ, что образъ Божій поверженъ въ такую скверну».—«Почему же не подѣйствуешь на него, не удержишь отъ зла, не научишь покаянiю?»—спросилъ препод. Нифонтъ. «Невозможно мнѣ теперь и приступить къ нему»,—сказалъ Ангель,—«съ тѣхъ поръ, какъ началъ грѣшить, онъ сдѣлался рабомъ бѣсовъ, и теперь мнѣ остается только плакать и молиться о немъ».

Каждый изъ насъ увидитъ своего Ангела-Хранителя въ день своей смерти: когда душа наша, разлучившись съ тѣломъ, явится въ другомъ — духовномъ мірѣ, то, прежде всего, встрѣтится съ своимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Невыразимо радостна будетъ эта встрѣча для того изъ насъ, кто всегда видѣлъ своего Ангела-Хранителя предъ собою очами вѣры, любилъ его и повиновался ему, радовалъ его своими добрыми дѣлами и своею жизнію въ страхѣ Божіемъ. Но горько будетъ это свиданіе для тѣхъ, которые своими грѣхами и порочною жизнію заставляли плакать и скорбѣть о нихъ своего Ангела-Хранителя.

Итакъ, братіе, Ангелы охраняютъ насъ и по смерти. Чтобы выказать намъ свое благоговѣніе къ нимъ и почитаніе ихъ, будемъ жить праведно и благочестиво, будемъ призывать ихъ въ своихъ молитвахъ какъ сегодня, когда отправляется имъ служба, такъ и всегда, каждый день—и утромъ, и вечеромъ, и при началѣ всякаго дѣла.—Аминь.

Свящ. П. Р.